

установка на ее многослойную читаемость, исходящая из представления о культуре как тексте. Предметно-контекстуальный трансфер вещи в статье рассмотрен на примерах приобретения для музейных коллекций предметов башкирской, чукотской, эскимосской и бурятской традиционных культур. Особое внимание уделяется воссозданию вещей по памяти носителями традиции. В итоге сделан вывод о пятикомпонентной структуре процесса музейного документирования, включающей: культурную метареальность — вещь — документ — предмет музейного значения — музейный предмет. Логика трансформаций вещи конкретизируется схемой системного культурологического анализа: документ — текст — контекст — дискурс — интерпретация.

Ключевые слова: культурологический анализ, музей, музейное документирование, полевые исследования, Г.Л. Дайн, народная игрушка, интерпретативный поворот, документ, предмет музейного значения.

Для цитирования: Андреева И.В. «Распознать и прочесть нечто как документ...»: (трансфер вещи в исследовательских рефлексиях Г.Л. Дайн) // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 4. С. 414–425. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-4-414-425.

«ВЕЩИ МУЗЕЙНОГО ДОСТОИНСТВА!»

На такое восклицание, сопровождающее ценные находки, я не раз наткнулась, читая экспедиционные дневники хотьковского искусствоведа Г.Л. Дайн. В записях, сделанных в башкирской экспедиции, оно относилось к двум примечательным бытовым предметам — женскому седлу и узорной кумысной кадке тэпэн. Все в них говорило в пользу приобретения в музейные фонды — ранняя датировка (1920-е гг.), сохранение традиции «в классическом варианте», орнаментальный декор «в виде стилизованных летящих птиц», органичность «большому чистому двору, высланному широкими досками» [1, с. 175]. Опытный музейщик, моментально определивший на глазок музейную ценность

старой утвари, тем не менее, в своей эмоциональной оценке воздержался от профессионального оборота «предметы музейного значения» [2, с. 59], сохранив за находками статус вещей. То есть, с одной стороны, подчеркнул еще неразорванную связь с миром утилитарной предметности и родным контекстом, с другой — дистанцию между первичной оценкой и дальнейшей институционализацией музейной ценности на этапах атрибуции, экспертного заключения фондово-закупочной комиссии и введения в музейный фонд.

Краткая зарисовка-описание эпизода полевого обследования напоминала почти театральное зрелище, разыгравшееся в декорациях сельского пейзажа и интерьера на подмостках крестьянского подворья. С главными героями — «красивейшим женским седлом, изящным как птица», и кумысной кадкой, специалистами-искусствоведами, художниками, немедленно принявшимися за графическую фиксацию предметов. Со «зрителями» — хозяином дома, местными школьниками, ходившими по пятам за приезжими «москвичами». На глазах этой «публики» происходило остранение «старой рухляди» — она выступала в непривычной роли знаков не столь еще давней старины, предмета интереса столичных ученых. Они же, в свою очередь, превратились в «крестных» будущей музейной судьбы вещей, предвещая множественность «ролей», которые их ждут на «подмостках» музейных исследований и экспозиций. Как и положено спектаклю, он имел точную дату — 14 июня 1987 года.

Г.Л. ДАЙН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИГРУШКИ РОССИИ

Щедрую и бесценную россыпь подобных описаний находим в подробных полевых дневниках кандидата искусствоведения Галины Львовны Дайн. Выпускница факультета теории и истории изобразительного искусства Санкт-Петербургского ордена Трудового Красного Знамени государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры

им. И.Е. Репина (1966), она связала свою жизнь с Всесоюзным научно-исследовательским институтом игрушки (1966–1969), а затем Художественно-педагогическим музеем игрушки АПН СССР; была одним из инициаторов его возрождения, и в течение 18 лет после этого — главным хранителем коллекций (1969–1986).

Свою первую школу экспедиционных исследований Г.Л. Дайн прошла еще в отроческие и юношеские годы под руководством О.В. Кругловой (1924–1986), известного исследователя и опытного собирателя народного искусства, автора фундаментальных трудов и каталогов о резьбе и росписи по дереву [3; 4], экспозиции «Русское народное искусство» Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника, в котором с 1950 г. возглавляла отдел народного искусства. Искусство игрушки стало главной темой жизни Г.Л. Дайн, ему было посвящено ее диссертационное исследование (1976) — первое в СССР в данной предметной области [5].

В период с 1984 по 1997 г. Г.Л. Дайн было проведено 16 экспедиций и более 50 поездок по разным областям и регионам России (Рязанская, Нижегородская, Калужская, Московская, Кировская области, а также Чукотка, Башкортостан, Хакасия и др.). Их результаты публиковались в книгах и научных статьях, научные отчеты защищались на ученых советах Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП). В последнее десятилетие (с 2010 г.) многие из этих материалов были положены в основу авторской серии научно-популярных изданий «Игрушка в культуре России» [6; 7]. Практически все они представляют собой серию очерков, написанных по материалам экспедиций, фото и видео фиксаций, архивных исследований, изучения музейных фондов, встреч с современными мастерами [8; 9]. Но основным, первичным источником научных трудов Г.Л. Дайн были, всё же, полевые дневники — ученические тетради и блокноты, скрупулезно и последовательно фиксирующие сам процесс полевого исследования — записи глубоких интервью; рефлексивные описания местности, жилища, одежды, обычаев, коммуникации, способов передвижения; прорисовки пред-

метов быта и культовых практик. Полевой этнографический дневник — основная форма документирования как этнографической реальности, так и социальных практик исследователя. Это уникальный опыт вербализации экспедиционных процессов — преодоления оппозиции «свой–чужой», наблюдений соучаствующего и сопричастного к местной жизни ученого, его чувственный и телесный опыт, интерпретации предметов материальной культуры.

Вышесказанное мотивирует выбор полевого дневника в качестве источниковой базы исследования, цель которого — описание процессов и анализ смыслов музейного документирования. Рабочей гипотезой данного исследования является представление о предметно-контекстуальном трансфере вещи как сущности музейного документирования. Дневниковые записи Г.Л. Дайн — обширный компендиум фактов и исследовательских рефлексий для его изучения. Задачей данной статьи является анализ материалов экспедиционных дневников в ракурсе процессов музейного документирования и связанного с ним трансфера вещи, что позволяет верифицировать аспекты теории музейного документирования примерами реальной практики.

Таким образом, понятия музейного документирования и трансфера вещи логически корреспондируются со сложившимся в музееведении представлением об отборе как этапе комплектования музейных фондов — «выявлении в реальности предметов, которые необходимо сохранять и актуализировать как своеобразные <...> документы исторической памяти» [10, с. 114]. Философские дискурсы музея рассматривают данный процесс как механизм реализации специфического/музейного отношения к действительности [11, с. 186–187]. Несмотря на многовековую практику коллекционирования и почти полувековую историю данного вопроса в музееведении, природа процессов документирования и информационного потенциала вещи остается недостаточно изученной. Одним из способов приближения к решению проблемы может быть обращение к локальному экспедиционному опыту исследователя традиционной материальной культуры.

ТРАНСФЕР ВЕЩИ: ОТБОР, ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ, ПРЕДМЕТНО-КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Англоязычное понятие *трансфер* в контексте данной статьи употребляется для обозначения переходного состояния вещи из системы утилитарного использования или, напротив, временного забвения, небытия — в систему смыслопорождающих социокультурных контекстов. Отправным пунктом этого трансфера является безграничный *театр мира* — социокультурная реальность, в которой внимание исследователя фиксируется на определенном локусе пространства: от минималистичного в своих границах — пространства семьи, памятника, поселения и пр., до глобального — пространства социума, этноса, территории. Этот локус пространства, как правило, характеризуется единством региональных, национальных, культурно-исторических, природно-климатических, хозяйственно-экономических, сословных, групповых и пр. особенностей, которые порождают специфический предметный мир — мир артефактов и природных объектов. Данный предметный мир как часть реальности и носитель ее характеристик выступает в качестве культурной метареальности каждой отдельно взятой вещи. Вещь выделяется из системы предметного мира как *след*, *остаток* прошлого и становится источником информации о нем, она обретает новый статус исторического документа, онтологически оставаясь тем же, чем была до того, как попала в сферу заинтересованного внимания исследователя¹. Таким образом, вещь-документ не дана

¹ В данной статье намеренно употребляется понятие «исторический документ», а не «вещественный источник». Современная методология истории отдает предпочтение «документу» как тексту, позволяющему воссоздавать прошлое на основе конструктивистского подхода посредством изучения системы знаков, кодировок, контекстов, связей с устными свидетельствами и письменными источниками [12, с. 15–49]. Данное понимание документа базируется на кибер-подходе, рассматривающем документ как материальную форму нематериальной информации, в том числе, как носителя духовных смыслов.

объективно, она становится результатом исследовательской оптики, а фиксация сведений о ней, почерпнутых из интервью с информантом или косвенных данных, является начальным этапом определения и институционализации музейной ценности. Интеллектуальное усилие, фиксирующее внимание исследователя на вещи, является, в итоге, первым актом документирования изучаемой реальности.

Следующий этап трансфера — выявление свойств музейного предмета и изъятие документа-вещи из среды бытования, меняющие статус документа на статус предмета музейного значения. Конечный пункт этого трансфера — заключение экспертов, включение предмета в музейный фонд посредством процедур учета, порождающих систему научной и управленческой документации единицы музейного хранения (от записи в книге поступлений до регистрации в Государственном каталоге Музейного фонда РФ), которая характеризует документирование второго порядка. Дальнейшая перспектива вещи — обретение ею свойств музейности и жизнь в новом статусе музейного предмета в системе музейного собрания, а также функционирования музейного института. Так документ, предмет музейного значения, музейный предмет оказываются связаны между собой общей интерпретативной перспективой. Таким образом, не вещь как мистический «излучатель» информации, а ее восприятие исследователем на этапе отбора как документа делает ее носителем смысла и культурных значений. Вещь — знак, сигнал какой-либо информации для внешнего по отношению к ней субъекта (воспринимающего индивида), который должен воссоздать знание в себе, поскольку знание всегда лично (13, с. 293–296).

Формирование данного кейса ощутимо дает знать о себе в публикациях последних лет. Чешский музеолог Я. Долак определяет предмет му-

«Исторический документ» более точно, чем «вещественный источник», характеризует музейную работу с вещью и полностью отвечает сущности музейного документирования, результатом которого и становится документ в вещественной форме. Вместе с тем, неоднозначность термина «документ», устойчивые ассоциации с управленческой (в том числе, фондовой) документацией, ограничивают его применение вне юридического контекста и тормозят концептуализацию в музеологии.

зеологии как «постоянное усилие человека извлечь определенные объекты из тотального универсума бытия, сохранить их, вопреки неизбежному разрушению, и представить в качестве <...> выражения нашего понимания того, кто мы такие, откуда пришли и куда идем дальше» [14, с. 13]. Культурологу А.Н. Балаш этап отбора представляется «менее однозначным и наиболее уязвимым» в сравнении с сохранением в статусе музейного предмета и использованием в качестве экспоната [15, с. 20]. А.А. Никонова справедливо указывает на дефицит исследований в области теорий документирования и тезаврирования, отмечая, что «уже в реальности в предмете музейного значения формируются свойства и ценности будущего музейного предмета», являющиеся следствием «музейности как одного из свойств действительности» [10, с. 113].

Проблема имеет еще одно — субъектное — измерение, обусловленное личностью исследователя. Еще в 1960-е гг. внимание на него обратил автор концепции научных революций Т. Кун, включивший в структуру «дисциплинарной матрицы» научной парадигмы характеристики научного форума — ценностные установки, кредо представителей научного сообщества, регулирующие их деятельность [16, с. 122]. Пренебрежение этим компонентом автор одной из статей международного научного журнала «Музей — Памятник — Наследие» Е.В. Аброськина объясняет позитивистскими установками академической науки. Полемизируя с ними, она констатирует: «автор (собиратель, исследователь и пр.) <...> в позитивистской парадигме <...> намеренно (само)устраняется, поскольку считается, что его присутствие никак не влияет на процесс сбора, опроса и т. п. Таким образом, формируется ложное представление о том, что путь предмета в музей не заслуживает отдельного внимания, а экспедиционная действительность — описания» [17, с. 103].

Обращаясь к материалам экспедиционных дневников и более поздним очерковым рефлексиям искусствоведа Г.Л. Дайн, постараемся принять во внимание весь спектр ее исследовательских установок (институциональных, личных, культурных, коммуникативных, этических), поскольку «путь предмета в музей», «умение распознать и прочесть нечто как документ» определяется ими в первую очередь.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УСТАНОВКИ, НАУЧНОЕ КРЕДО, МЕТОДЫ

В экспедиционном опыте Г.Л. Дайн спектр институциональных факторов задавался программами исследования НИИХП. Это изучение и развитие народных художественных промыслов конкретного региона, сбор материалов о них и приобретение наиболее характерных образцов национального декоративно-прикладного искусства для фондов музеев и методических фондов министерств местной промышленности, выявление мастеров. Таким образом, институциональные установки музейного документирования — лишь один из аспектов экспедиционных задач. Приобретение предметов для музейных фондов в известной степени — сопутствующий результат. Эти институциональные координаты задают критерии отбора. Ведущими (а иногда и конфликтующими между собой [18]) ориентирами становятся профиль и целевое назначение музея, состав и лакуны имеющихся коллекций, возможности обеспечения сохранности, приоритеты экспозиционно-выставочной политики.

Личные исследовательские установки (научное кредо) Г.Л. Дайн уже и глубже, в них ярко выражен культурологический дискурс: «изучение игрушки в живых связях с народным бытом и творчеством, в составе всего комплекса детской культуры», познание «духовной стороны механизма преемственности в народной культуре» [1, с. 4]. Богатый музейно-хранительский опыт дал исследователю четкое понимание того, что в игрушке «этнографичность проявлялась <...> гораздо ярче, чем в быту, в жизни взрослых. <...> Игрушка выступала реальным вместилищем народной памяти, ее материализованным хранителем» [1, с. 192].

С исследовательскими установками связаны коммуникативные — «непреодолимое желание встреч с мастерами народной игрушки, возможность пожить с ними в деревне, ауле, улусе и окунуться в старину, в воспоминания детства с его играми и игрушками, увидеть их рождение». И ради этого — носить за спиной «тяжеленный рюкзак и ходить на “своих двоих” многие километры», «ездить, искать и соби-

рать игрушки, делать игрушечные открытия» [1, с. 4]. В 1980-е гг. это было еще возможно, были живы, многое сохранили, а еще больше помнили деревенские жители, рожденные в первые десятилетия прошлого столетия. К слову сказать, «многие километры» преодолевались не только на «своих двоих» или в переполненных рейсовых автобусах, но и в грохочущем чреве почтового вездехода под пеленой табачного дыма бабки-чукчанки, в кабине заваливающегося под лед попутного грузовика, медленно ползущего по реке-дороге, соединяющей эскимосский поселок Сиреники с Провидения. Кто и когда оценит этот труд, увидит за строчками экспедиционных отчетов не столько романтику полевой жизни, сколько риск, дискомфорт, лишения, оправданные лишь добытыми сведениями?!

«Желание встреч», «возможность пожить», «окунуться», «увидеть рождение...» — деятельностная лексика основного метода этнографии — включенного наблюдения. Однако он определяет лишь внешний, инструментальный абрис личной техники исследователя, дополненный строго разработанными программами, утвержденными опросниками и рекомендациями относительно приобретения предметов. Читая книги Г.Л. Дайн, обнаруживаешь более тонкую материю — корпус методов полевой работы, релевантный логике современного «интерпретативного поворота» в науках о культуре [19, с. 68–121]. Исходный посыл этих методов — восприятие вещи как текстуальной модели национальной культуры, установка на ее многослойную «читаемость», исходящая из представления о культуре как тексте. Исследователь искусно применяет методы контекстуализирующей интерпретации — «толкование одних текстов с помощью других» [19, с. 78], при этом в широкие связи вещи включаются чувственные понятия, этические представления, коммуникативные формы.

ВЕЩЬ КАК ТЕКСТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Обращаясь к дневниковым записям Г.Л. Дайн, ограничим их выбор текстами о материальной культуре башкир —

предметах деревообработки из растительных материалов. Так, о традиционной башкирской люльке, обнаруженной в местном музее, искусствовед пишет: «... легкая, почти невесомая и очень нарядная <...>, сшитая конским волосом. Крохотного запеленутого малыша в такой люльке мать-наездница надежно привязывала к груди. Теперь ее руки свободны, чтобы управлять лошастью. А ребенку в люльке тепло, удобно и питание рядом. Если же малыш годовалый или чуть старше, то люльку с ребенком привязывают к спине матери. Прижавшись к ней, они вместе с ветром летят по степи, вдыхая ароматы горько-душистых трав. Малыш уже с рождения, через себя, через свое дыхание воспринимает мир вольного степного раздолья» [1, с. 187].

О детских игрушках-коньках, сделанных восьмиклассниками на уроках труда: «Все игрушки хоть и выпилены по одному шаблону, получились разными. Выжигательного аппарата в школе нет, а потому ребята сами нашли замену — гвоздь. Этим способом традиционно пользовались башкиры при проделывании “ушек” у деревянной посуды — их прожигали раскаленным гвоздем. Ребята сделали то же самое, выжигая гриву, глаза, морду лошадки. Живая традиция...» [1, с. 200].

В приведенных фрагментах точность описания вещи переключается на контекст, с контекста — на дискурс. Дискурсивны и наблюдения за повседневностью детской жизни, вырастающие в нарратив о воспитании детей: «... в башкирских селах малолетние дети ходят по деревне, крепко держась за руки; в каждом доме есть детское коромысло и маленькие пластмассовые ведра или приспособленные большие консервные банки, девочки носят воду с реки, помогают полоскать белье; приезжих сторонятся, прячутся; охотно играют с природными игрушками, забавляются с животными...». Нередко за незапертой калиткой открывается совсем литературная этнографическая картина: «Посреди двора стоит мальчик с луком: 8-летний Айбулат Шашмардинов сам сделал себе эту игрушку. В глубине двора — навес, крытый корьем, совсем как прежние шалаши кочевников. На его столбах-стволах с торчащими сучками-крючьями устроена качель. Это примитивно обработанная дощечка с вырезами по краям, куда

заходит веревка. На ней тихо качается девочка лет десяти Марьям. Качели, увиденные в других деревнях, устроены так же. Еще двое малышей выглядывают из огромной плетеной корзины, третий сидит на санках. Оказалось, и качель, и санки для зимнего катания с гор сделал старший 15-летний брат Ильшат. Его авторитет для младших безусловен. Едва успели мы сделать фотосъемку, как двор опустел, дети исчезли, попрятались» [1, с. 205].

От внимания исследователя не ускользает ни одна местная особенность: недостаток лесного материала, из которого устроены настилы во дворах, построены не только дома, но и небольшие летние домики в усадьбах — однокамерное жилище, напоминающее лубяной шалаш аласык, где раньше проводили время кочевий. Ни теснота давно построенных изб — отголосок «вековой народной привычки жить сообща, в тесноте» [1, с. 169]. Ни грубоватость заборов из неокоренного теса. На одну логическую нить нанизывается множество свидетельств, с одной стороны, отсутствия наработанной культуры деревообработки, которая веками складывалась у русских, с другой, — восприятия природной вещи как готовой, не требующей вмешательства или допускающей минимум обработки. «Это глубокое преемственное чувство естества природы, уходящее корнями в языческие представления прошлого, сегодня многое объясняет нам в эстетике народного быта башкир» [1, с. 202], — резюмирует Г.Л. Дайн, опираясь и на множество других наблюдений: излюбленное сочетание синего и зеленого в окраске домов и наличников — интуитивное и логичное продолжение общего колорита ландшафта; традиционные куклы на палочках, собранные из лоскутков трех цветов — красного, черного и синего — «красок солнца, земли, неба — жизнетворной основы природной жизни» [1, с. 213]; «яркая лоскутная мозаика (Матисс — по башкирски!) современного жилища — трогательный народный перепев мягкого теплого убранства кочевой юрты» [1, с. 207].

Полевой дневник — форма оперативной фиксации наблюдений, экспедиционная повседневность не оставляет времени для насыщенных описаний. Специфика жанра элиминирует частности, но усиливает звучание

многозначительных деталей. В лаконичных записях наблюдение, впечатление, вещь как текст настолько объективируются, что становится возможным «метасоциальный комментарий» [19, с. 85]. Культуролог Д. Бахманн-Медик рассматривает эту возможность как результат «специфического приема наложений», то есть «способность привлекать весь “ансамбль” текстов <...> и наносить всё новые слои всё более широких смыслов». Этим же автором подчеркнуто огромное значение «предпонимания» для раскодировки вписанных в документ смыслов и для создания «даже самого элементарного описания» [19, с. 80–81].

«ЖИВОЕ ДЕЙСТВО ИЗ ПРОШЛОГО»

Унча — традиционная сезонная хакасская кукла. Делалась она из чемерицы — растения из семейства лилейных с широкими и продолговатыми, стармошенными листьями. Хакасы называют траву кальчук, у русских бытовало свое (возможно, не случайное) название — кукольник. О травяной унча хакасская экспедиция НИИХП 1988 г. узнала от жительницы подтаежного улуса Бейского района. Целый ритуал ее изготовления запечатлен серией фотографий: поездка на лошади за реку, поиск травы, возвращение и «айран-пауза», рассадка «зрителей» — этнографов и сельчан — на крыльце дома, и, наконец — «живое действие из прошлого» — изготовление кукольной пары в сопровождении лаконичных комментариев мастерицы. Ее движения точны, уверенно орудуя ножом, она формирует фигурки из стеблей и листьев в узнаваемых по силуэту и детализировке традиционных нарядах. Запись из дневника: «Несколько минут работы! При всей элементарной простоте унчи поразительно изящны, изысканны» [1, с. 281]. Исследователь подробно описывает в дневнике каждую операцию, за действиями прочитываются скрытые смыслы этого перфоманса. Традиционная технология — тоже текст, открывающий доступ к реальному опыту. И вот — финальная запись: «Травяные куклы из живого природного материала готовы. Как теперь их [кукол] сберечь: впереди еще

две недели пути и разных дорог в самых непредсказуемых условиях» [1, с. 281].

У Г.Л. Дайн нет сомнения, что кукла, выполненная по памяти носителем традиции — вещь музейного достоинства, заслуживающая чести войти в состав коллекции столичного музея. В поездках «за игрушкой» по просьбе исследователя традиция не раз оживала в памятливых руках мастеров. Целое стадо деревянных оленей вырезал из цельного ствола-заготовки бывший оленевод в Сирениках. Фигурки вырезались одна за другой — от больших самцов, вожака до совсем маленьких оленят — пока материал не был использован на всю длину. Его односельчанка стала автором тряпичной куклы-эскимоса. И ей удалось передать национальное мироощущение, строй и лад ушедшей в прошлое народной художественной культуры, несмотря на применение современных материалов и машинного шитья.

Из дневника Г.Л. Дайн: «Фигурка несет емкую информацию. В ней — типичное для эскимосского искусства слияние классики с графикой, впечатляющее строгой монументальностью и суровым достоинством. Она вписана в квадрат 50×50 и оттого гармонична орнаментальной классике. Даже ситцевая ткань с пунктирным рисунком не случайно наложена на лицо — тонкий намек на родовую татуировку. <...> При всей условности — кукла удивительно подвижна, динамична в игре и удивительно правдоподобна. Она прекрасно лежит на плече, сидит верхом на шее — так носили раньше детей. В результате такой посадки ножки ребенка получали небольшое искривление, необходимое для большей устойчивости при охоте, при прыжках по тундре, при долгом стоянии в качающейся лодке, где трудно удержаться на прямых ногах. На кукле традиционная повязочка — макка, означающая, что это — младенец в керкере. Благодаря этой — единственной съемной детали — с куклой можно играть как с настоящим малышом, подкладывая мох или сухую траву вместо подгузника, как в жизни. Без повязочки кукла может играть любую роль взрослого мужчины или женщины. Словом, это собирательный, обобщенный содержательный образ и, что самое ценное, образ художественный, национальный» [1, с. 142–144].

Традицию уже в ту пору, когда писались эти строки, вытеснили блага современной цивилизации. Повсюду в чукотских поселках звучала русская речь, на смену ярангам пришли дома на сваях. Но в пошивочной мастерской раскрой кож по-прежнему доверяли только тем мастерицам, что умели работать без лекал, доверяя руке-мере; для сушки белья в качестве опор использовали вкопанные в землю челюстные кости китов; а декор традиционного эскимосского кожаного мяча, детали которого собирались нитками из сухожилий оленя, радовал «строгой красотой, продуманной геометрией, собранной в орнаментированный шар» [1, с. 146], с непременно солнышками из камусной щетки, словно бы напоминавшими о давнем ритуальном назначении игрушки. В приобретении предметов для коллекции «новодельность» вещи не становилась препятствием, поскольку несла в себе коды древних обычаев и связанную с ними эстетику народной культуры. Неслучайно и само сотворение вещи приобретало диалогический характер представления, зрелища, демонстрируя практику производства культурных смыслов и опыта, и указывая тем самым на коммуникационный характер процесса.

ВЫВОДЫ

Таким образом, дневниковые записи исследователя Г.Л. Дайн — не просто текстовая форма устного профи-нарратива, но фиксация смысла, текст, нацеленный на понимание социокультурных контекстов. В ее технологии экспедиционных сборов очевидна первичность установки на комплексное изучение традиций в системе социокультурной реальности. Глубокое предпонимание, интегрирующее цели, знание, культуру исследователя, позволило воспринять культуру хакасских, башкирских, чукотских, эскимосских, русских сел в ее многослойной читаемости. Предпонимание стало решающим фактором избирательности восприятия социальной реальности и трансфера вещи в документ. Предметы материальной культуры и быта независимо от времени их создания в контекстуализирующей интерпретации ученого обнаружили изоморфность национальной культуре, что и стало фактором

музейного отбора. Ведущими методами документирования выступили: текстуальный анализ, контекстуализирующая интерпретация, мысленный поиск аналогов вещи и сравнение с уже имеющимися в фондах и опубликованными в каталогах музейных собраний, переориентация с текста на дискурс, а с дискурса на метасоциальный комментарий. Этот многоступенчатый процесс темпорален, материализован в дневниковых записях и зарисовках, фотофиксациях. Исследователь реконструирует культурную биографию вещи, обнаруживает элементы архаики и трансформации традиции в современности, инициирует воссоздание по памяти игрушек прошлого. В экстремальном режиме полевого исследования закладываются основы экспертизы историко-культурной ценности этнографической вещи-документа. Она уже больше, чем документ. На начальном этапе процесса — исследовании вещи в среде бытования — она приобретает свойства музейности (культурной ценности). Происходит смена гештальта — позиции этнографа-документиста: реальность воспринимается им как культурная метареальность, а вещь в ее контексте становится репрезентантом значений той культуры, в которой была создана и которой служила своими утилитарными свойствами. С этого момента вещь-документ обретает статус предмета музейного значения, начинается новый — музейный — этап ее биографии, расширяющий спектр и формы ее читательской рецепции. И этот — стартовый этап трансфера вещи — остается первым и главным в ее музейной судьбе.

Таким образом, общая схема музейного документирования может быть выражена пятикомпонентной структурой: культурная метареальность — вещь — документ — предмет музейного значения — музейный предмет, а логика трансформаций вещи конкретизируется схемой системного культурологического анализа: документ — текст — контекст — дискурс — интерпретация. Предзнание в системе установок исследователя является в этом процессе фактором решающего значения (более значимым в сравнении с институциональными, экономическими, логистическими факторами). Подобно химическим реакциям в фотоделе предзнание проявляет слои смыслов и

значений — сначала проступают их неясные очертания, потом мысль структурируется, обретает вербальную форму.

В случае, когда предзнание дефицитно, оно носит сдерживающий характер, и культурологическая логистика реализуется свернуто, имеет гипотетический характер и отодвигается на более позднее время атрибуции и экспертизы в кабинетных условиях. Тогда коммуникация интерпретатора с вещью-документом тормозит на признании временного статуса вещи в качестве данных в надежде на их дальнейшую расшифровку и выявление музейной ценности.

Предметом рассмотрения данной статьи выступили культурологические аспекты музейного документирования. Однако у процесса есть еще одна, хорошо известная музейщикам сторона. Это феномен случайных находок — не выявленных и музеефицированных профессиональным музеологом в среде бытования, а найденных, сохраненных и, как правило, доставленных в музей обычными людьми, не владеющими предзнанием и не утруждающими себя интерпретацией. Нередко это происходит после длительного хранения вещи в семье, актуального даже сейчас, когда сохранение перестало быть признаком рачительности и уважения к вещи как к форме опредмеченного труда или семейной памяти. Этот процесс стихийного документирования и бытовых музеелизаций, являясь по своей природе коммуникационным, смыслопорождающим процессом взаимоотношений человека и вещей — одна из перспектив дальнейшего исследования проблематики документирования.

Список источников

1. Дайн Г.Л. По России — за игрушкой : очерки, экспедиционные дневники : 1984—1988 / Галина Дайн ; Художественно-педагогический музей игрушки ; ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (институт)». Сергиев Посад : Цветографика ; Хотьково : [б. и.], 2016. 288 с.
2. Словарь актуальных музейных терминов / авторы-составители: М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова и другие // Музей. 2009. №5. С. 47—68.
3. Круглова О.В. Народная роспись Северной Двины [Альбом] / О.В. Круглова. Москва : Изобразительное искусство, 1987. 174 с.

4. *Круглова О.В.* Русская народная резьба и роспись по дереву : из собрания Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника : 4-е изд., перераб. Москва : Изобразительное искусство, 1983. 174 с.
5. *Дайн Г.Л.* Искусство игрушки : художественно-функциональные особенности русской народной куклы XIX—нач. XX в. : дисс. ...канд. искусствоведения: 17.00.00. Москва, 1976. 173 с.
6. *Дайн Г.Л.* Детский народный календарь / Галина Дайн : 2-е изд., дополненное и переработанное. Хотьково : Сергиев Посад, 2010. 181 с. (Коллекция книг Галины Дайн) (Игрушка в культуре России; Кн. 1).
7. *Дайн Г.Л.* Тряпичная кукла : лоскутные мячики / Галина Дайн : переиздание, дополненное и переработанное. Хотьково : Цветографика, 2012. 248 с. (Коллекция книг Галины Дайн) (Игрушка в культуре России; Кн. 4).
8. *Дайн Г.Л.* Как войти в народную культуру : экспедиционные и методические материалы, исследования, статьи : 1990 — 2014. Сергиев Посад : Цветографика, 2015. 292 с. (Коллекция книг Галины Дайн) (Игрушка в культуре России; Кн. 6).
9. *Дайн Г.Л.* Игрушечных дел мастера : очерки, экспедиционные дневники : 1989—1992 / Галина Дайн ; Художественно-педагогический музей игрушки; ФГБОУ ВО «Высшая школа народных искусств (институт)». Сергиев Посад : Цветографика, 2017. 284 с. (Коллекция книг Галины Дайн) (Игрушка в культуре России; Кн. 8).
10. *Никонова А.А.* Музейный предмет и/или экспонат : к проблеме музейной эвристики // Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе : сборник статей по материалам научно-практического семинара (Москва, 21 февраля 2017 г.). Москва : ИНИОН РАН, 2017. С. 111—121.
11. *Менш П. ван.* К методологии музеологии / Петер ван Менш ; пер. с англ. В.Г. Ананьева // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 15—291.
12. *Зарецкий Ю.П.* Стратегии понимания прошлого : Теория, история, историография. Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
13. *Полтавская Е.И.* Схематизация научных категорий — методологическая основа общей теории библиотековедения, библиографоведения, книговедения : дис. ... доктора пед. наук: 05.25.03. Москва, 2015. 422 с.
14. *Долак Я.* Музеология — настоящее и будущее // Музеология — музееведение в XXI веке: проблемы изучения и преподавания : материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2009. С. 12—19.
15. *Балаш А.Н.* Вещь в музее: размышления о судьбе «предмета музейного значения» // Вопросы музеологии. 2013. №1 (7). С. 19—24.
16. *Кун Т.* Структура научных революций [с вводной статьей и дополнениями 1969 г.]. Москва : Прогресс, 1977. 300 с.
17. *Аброськина Е.В.* «Вместо этнографии приходится заниматься исключительно этим...»: послевоенные экспедиции Государственного музея этнографии сквозь призму писем к А.Я. Дуйсбург // Музей — памятник — наследие. 2019. №1 (5). С. 102—114.
18. *Баранов Д.А.* «Приручение» традиции: включение понятия традиции в нарратив о советском народе (по материалам ГМЭ народов СССР) // Антропологический форум. 2012. №16. С. 351—366. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016/16_baranov.pdf (дата обращения: 27.03.2020).
19. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты : новые ориентиры в науках о культуре. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.

"To Recognize and Read Something as a Document...": (The Transfer of Things in Research Reflections by G.L. Dain)

Irina V. Andreeva

Chelyabinsk State Institute of Culture, 36a, Ordzhonikidze Str., Chelyabinsk, 454091, Russia
ORCID 0000-0002-8737-8422; SPIN 1778-5691
E-mail: andreevairina7@gmail.com

Abstract. *This article examines the cultural aspects of museum documentation as a process of identifying items to be preserved and actualized as historical documents. In the system of concepts of museum technology, it is designated as a selection process, from the point of view of museum philosophy – as implementation of the specific/museum's attitude to reality. In the categories of cultural studies, the documentation can be considered as a subject-contextual transfer of things. This case's formation can be now traced in the articles by J. Dolák, A.N. Balash, A.A. Nikonova, E.V. Abroskina.*

Basing on the analysis of published materials of the art historian G.L. Dain's expedition diaries, the article considers the path of a thing to a museum. In addition to institutional factors, the range of her research setting includes the scientific credo of a scientist with a pronounced cultural discourse. This is "the study of toys in living connections with folk life and art, as part of the entire complex of children's culture", the knowledge of "the spiritual side of the mechanism of succession in folk culture". On its basis, a corpus of individual field work methods is formed, relevant to the logic of the modern interpretive turn in the cultural sciences. Their initial message is the perception of a thing as a textual model of national culture, the setting on its multi-layer readability based on the idea of culture as a text. The article considers the subject-contextual transfer of things on the examples of acquiring the items of Bashkir, Chukchi, Eskimo and Buryat traditional cultures for museum collections. Special attention is paid to recreating things from memory by the bearers of the tradition. As a result, a conclusion is made about the five-component structure of the museum documentation process, which includes: cultural

metareality – thing – document – object of museum value – museum object. The logic of transformations of things is concretized by the scheme of systematic cultural analysis: document – text – context – discourse – interpretation.

Key words: cultural analysis, museum, museum documentation, field research, G.L. Dain, folk toy, interpretive turn, document, object of museum value.

Citation: Andreeva I.V. "To Recognize and Read Something as a Document...": (The Transfer of Things in Research Reflections by G.L. Dain), *Observatory of Culture*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 414–425. DOI: 10.25281/2072-3156-2020-17-4-414-425.

References

1. Dain G.L. *Po Rossii – za igrushkoi: ocherki, ekspeditsionnye dnevniki: 1984–1988* [Across Russia for a Toy: Essays, Expedition Diaries: 1984–1988]. Sergiev Posad, Tsvetografika Publ., Khotkovo, 2016, 288 p.
2. Kaulen M.E., Sundieva A.A., Chuilova I.V. and others. The Dictionary of Relevant Museum Terms, *Muzei* [Museum], 2009, no. 5, pp. 47–68 (in Russ.).
3. Kruglova O.V. *Narodnaya rospis' Severnoi Dviny* [Folk Painting of the Northern Dvina]. Moscow, Izobrazitel'noe Iskusstvo Publ., 1987, 174 p.
4. Kruglova O.V. *Russkaya narodnaya rez'ba i rospis' po derevu: iz sobraniya Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya-zapovednika* [Russian Folk Carving and Painting: From the Collection of the Zagorsk State Historical and Art Museum-Reserve]. Moscow, Izobrazitel'noe Iskusstvo Publ., 1983, 174 p.
5. Dain G.L. *Iskusstvo igrushki: khudozhestvenno-funktional'nye osobennosti russkoi narodnoi kukly XIX–nach. XX v.* [The Art of Toy: Artistic and Functional Features of Russian Folk Dolls of the 19th – Early 20th Centuries], cand. art. diss.: 17.00.00. Moscow, 1976, 173 p.
6. Dain G.L. *Detskii narodnyi kalendar'* [Children's Folk Calendar]. Khotkovo, Sergiev Posad, 2010, 181 p.
7. Dain G.L. *Tryapichnaya kukla: loskutnye myachiki* [Rag Dolls: Patchwork Balls]. Khotkovo, Tsvetografika Publ., 2012, 248 p.

8. Dain G.L. *Kak voiti v narodnuyu kul'turu: ekspeditsionnye i metodicheskie materialy, issledovaniya, stat'i: 1990 – 2014* [Entering the Folk Culture: Expedition and Methodological Materials, Studies, Articles: 1990 – 2014]. Sergiev Posad, Tsvetografika Publ., 2015, 292 p.
 9. Dain G.L. *Igrushchinykh del mastera: ocherki, ekspeditsionnye dnevniki: 1989–1992* [Toy Makers: Essays, Expedition Diaries: 1989–1992]. Sergiev Posad, Tsvetografika Publ., 2017, 284 p.
 10. Nikonova A.A. Museum Item and /or the Exhibit: Eo the Problem of Museum Heuristics, *Transformatsii muzeev-bibliotek-arkhivov i informatsionnoe obespechenie istoricheskoi nauki v informatsionnom obshchestve: sbornik statei po materialam nauchno-prakticheskogo seminara (Moskva, 21 fevralya 2017 g.)* [Proceedings of the Sci.-Pract. Seminar "Transformations of Museum-Libraries-Archives and Information Support of Historical Science in the Information Society" (Moscow, February 21, 2017)]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, pp. 111–121 (in Russ.).
 11. Mensch P. van. Towards a Methodology of Museology, *Voprosy muzeologii* [The Problems of Museology], 2014, no. 1 (9), pp. 15–291 (in Russ.).
 12. Zaretsky Yu.P. *Strategii ponimaniya proshlogo: Teoriya, istoriya, istoriografiya* [Strategies for Understanding the Past: Theory, History, Historiography]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011, 384 p.
 13. Poltavskaya E.I. *Skhematizatsiya nauchnykh kategorii – metodologicheskaya osnova obshchei teorii bibliotekovedeniya, bibliografovedeniya, knigovedeniya* [Schematization of Scientific Categories is a Methodological Basis of the General Theory of Library Science, Bibliography, Bibliology], dr. ped. sci. dis.: 05.25.03. Moscow, 2015, 422 p.
 14. Dolak Ya. Museology – the Present and the Future, *Muzeologiya – muzevedenie v XXI veke: problemy izucheniya i prepodavaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Museology – Museum Studies in the 21st Century: The Problems of Learning and Teaching: Proceedings of the Int. Sci. Conf.]. St. Petersburg, 2009, pp. 12–19 (in Russ.).
 15. Balash A.N. Reflections on the Fate of "An Object of Museum Value", *Voprosy muzeologii* [The Problems of Museology], 2013, no. 1 (7), pp. 19–24 (in Russ.).
 16. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, Progress Publ., 1977, 300 p. (in Russ.).
 17. Abroskina E.V. "Instead of Ethnography, You Have To Do It Exclusively...": Post-War Expeditions of the State Museum of Ethnography through the Prism of Letters to A.Y. Duisburg, *Muzei – pamyatnik – nasledie* [Museum – Monument – Heritage], 2019, no. 1 (5), pp. 102–114 (in Russ.).
 18. Baranov D.A. The "Taming" of Tradition: The Inclusion of the Concept of Tradition into the Narrative of the Soviet People (Based on the State Ethnographic Museum of the Peoples of the USSR), *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2012, no. 16, pp. 351–366 Available at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016/16_baranov.pdf (accessed 27.03.2020) (in Russ.).
 19. Bachmann-Medick D. *Kul'turnye povoroty: novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 504 p.
-
-